

ЮРЧУК Любовь Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Псковского государственного университета. Автор 99 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий, двух учебных пособий*

КАЗАКОВ Илья Викторович, студент Псковского государственного университета. Автор трех научных публикаций*

ПСКОВСКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЛЕГЕНДЫ О «ПРОВАЛИЩАХ»¹

В статье представлены результаты анализа общего состава фольклорных легенд об ушедших под землю либо под воду культовых сооружениях и селениях. Тексты, ставшие материалом исследования, были записаны в период с 1982 по 2015 год в ходе фольклорных экспедиций филологического факультета Псковского государственного университета и сегодня сосредоточены в фондах фольклорного архива университета. Установлено, что рассказы о «провалищах» имеют широкое распространение на Псковской земле. В половине случаев рассказы, приуроченные к местам расположения археологических памятников, формально и содержательно по преимуществу соотносятся с жанром легенды. Находясь в одном ряду с повествованиями об иных «деревенских святынях», они вбирают в себя знания об устройстве и функционировании местного духовного пространства, создают его особенную мифологическую модель. Псковские рассказы об ушедших под землю либо под воду культовых сооружениях и селениях формируются традиционной для легенд данного сюжетного типа системой мотивов, и хотя развернутые повествования, включающие всю совокупность мотивов, свойственных данному сюжетному типу, встречаются на псковском материале нечасто, отчетливо выделяются группы текстов с устойчивым сцеплением сюжетных элементов, центральным среди которых является мотив чудесного исчезновения сакрального объекта, определяющий взаимосвязь других сюжетных элементов. Помимо мотива чудесного исчезновения сакрального объекта всестороннюю разработку получает мотив «вестей», проявляющий процессуальность времени действия легенды, его непрекращающуюся связь с настоящим, находящую выражение в обрядовой практике местных жителей. Повествуя о встрече человека с явлениями сакрального мира, легенды о «провалищах» сближаются в этом аспекте с быличками и используют общие с ними формы повествования о чудесном.

Ключевые слова: *Псковская область, устная сказочная проза, фольклорная легенда, легенда о «провалищах», «деревенская святыня», мотив чудесного исчезновения сакрального объекта, мотив «вестей».*

---

*Адрес: 180000, г. Псков, пл. Ленина, д. 2; e-mail: lak131@rambler.ru

Для цитирования: Юрчук Л.А., Казаков И.В. Псковские фольклорные легенды о «провалищах» // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 2. С. 137–145. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.137

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Фольклорные легенды Псковской области» (проект № 17–14–60001).

Легенда является жанром, в отношении которого в русской и зарубежной фольклористике существует множество разноречивых мнений. В одних случаях под легендой понимают устные рассказы на библейские темы [1, с. 34], в других – едва ли не любые рассказы несказочного характера, основанные на вымысле [2, с. 14]. Нижегородский исследователь Ю.М. Шеваренкова определяет легенды как «устные народные рассказы, в совокупности своей вбирающие в себя все аспекты народного религиоведения, то есть знания о живом и неживом мире и его судьбах, о греховности и праведности человека, знания об истории, представленной в образах общеизвестных и местных священных героев, знания об устройстве и функционировании местного духовного пространства, центром которого является природная святыня» [3, с. 167].

Приняв данное определение в качестве рабочего, обратимся к понятию «местные легенды», впервые в отечественной фольклористике выделенному В.Л. Комаровичем [4]. Главными признаками местной легенды являются бытование в пределах ограниченной территории и наличие связи с какими-либо примечательными точками культурного ландшафта: городищем, пещерой, родником, горой и т. д. Прикрепленность местных легенд к конкретному географическому объекту сближает их с преданиями, в связи с чем отдельные ученые отказывают таким произведениям в легендарной природе [5, с. 204], другие применительно к ним используют термины «легендарные предания» [6, с. 248–274], «легенды-“предания”» [7, с. 52].

А.П. Липатова отмечает, что, несмотря на разработку местной легендой «бродячего» сюжета, для информанта «рассказ всегда эксклюзивен и индивидуален»: он содержит повествование «не о том, что все хорошо знают, а о том, что, по мнению рассказчика, не было известно слушателю» [8, с. 35]. Для местных жителей заключенная в такой легенде сакральная информация обладает исключительной важностью, поскольку определяет особый статус места их проживания. Повествуя о необычном случае, легенда «достаивает» реальность, придавая

ей черты «невероятного», создавая мифологическую модель пространства.

Особенности народной мифологии пространства отчетливо проступают в легендах об ушедших под землю (под воду) культовых сооружениях и селениях, привлечших внимание научного сообщества еще во второй половине XIX века, в первую очередь в связи с культом невидимого града Китежа. Ученые установили международный характер мотива «провалища», поставили вопрос о предпосылках его формирования, указали на мифологическую и «книжную» основу таких легенд, выявили традиционную для них сюжетную схему, особенно тщательно прописанную на китежском материале [9, с. 63–75].

В фольклорном архиве Псковского государственного университета (ФА ПсковГУ) мы выявили 97 легенд о «провалищах», собранных в 21 районе Псковской области. Записи были сделаны в ходе фольклорных экспедиций филологического факультета в 1982–2015 годах, причем на 1980–1990-е годы приходится только 9 из них. «Героем» четырех из 97 легенд является погрузившееся под землю селение, в остальных речь идет о культовых сооружениях. Легенды, записанные без использования специального вопросника, могут рассматриваться как актив фольклорной памяти жителей псковских деревень.

Исследование материала показало, что псковские легенды о «провалищах» реализуют традиционную сюжетную схему, детализация которой выявляет следующие элементы (в скобках указано число зафиксированных вариантов):

*А – Исходное место
нахождения храма
(часовни, селения):*

A1 – церковь (часовня, селение) стоит на горе (22), A2 – церковь стоит на берегу водоема (12), A3 – церковь стоит на кладбище (4), A4 – церковь стоит на острове (2), A5 – церковь стоит на болоте (1);

В – время события:

B1 – в давние времена (43), B2 – во время службы (13), B3 – во время войны (6);

*С – исчезновение храма
(часовни, селения, колокола):*

C1 – церковь (часовня, костел, монастырь, селение) ушла (ушел) под землю (вариант: вместе с людьми) (66), C2 – церковь (часовня, колокол) ушла (ушел) под воду (варианты: вместе с людьми / с вражеским войском) (25), C3 – церковь (часовня) погрузилась в болото (вариант: вместе с людьми) (2);

D – причина исчезновения:

D1 – природные катаклизмы (8), D2 – разрушение во время войны (3), D3 – Божий гнев (6), D4 – нашествие интервентов (церковь исчезла перед лицом врага) (4), D5 – наказание интервентов (церковь ушла под воду вместе с врагом) (2), D6 – проклятие (2);

E – нынешний вид места провала:

E1 – образовалась яма (14), E2 – возникла гора (холм) (12), E3 – возникло кладбище (6), E4 – появилось озеро (6), E5 – появилось болото (4), E6 – образовались родники (3);

G – отношение местных жителей к месту провала:

G1 – прислушивались (16), G2 – осуществляли раскопки (вариант: ныряли) (12), G3 – хоронили заложных покойников (6), G4 – опасались (6), G5 – считали святым местом (6), G6 – отмечались случаи исцеления (5);

H – существование церкви (часовни, селения) подтверждается вестями из нее (него):

H1 – слышен звон колоколов (23), H2 – виден крест (купол) (11), H3 – слышны звуки церковной службы, голоса людей (9), H4 – найдены предметы церковной утвари, крест (5), H5 – случаются видения (4), H6 – слышны стоны (плач) (2), H7 – появляется свечение (1), H8 – является икона (1), H9 – иногда появляется церковь (1), H10 – найдены украшения (1).

Из сочетания наиболее частотных элементов возникает условный событийный ряд, ближе всего к которому стоит следующий текст: «... это тоже мне бабушка рассказывала. Это я тоже много такое слышала. Значит, у нас есть местность, ну, она теперь относится или к Ново-

ржевскому району или к Опочечкому району, я не знаю точно, потому что на том месте теперь зарос лес, заросли кусты. Называлось это Селихновская гора. Она была очень огромная. Тоже мне все бабушка рассказывала. Бабушка моя еще пацанкой была, на ту гору они бегали. Что там, значит, якобы, когда-то была церковь. И эта церковь провалилась. И, вот, когда они паслись со скотом в этой ложбине, то ложились на какой-то камень и слышали звон. А где этот был звон, никто не знает. <...> звон колоколов»².

Легенда включает в себя ссылку на стариков как источник сведений, указание конкретного места, в котором произошло чудо, выделенного к тому же на общем фоне рельефа местности, на давность происшествия, на существование обычая «припаданья» и «слушанья». Примечательно также указание на детский возраст «слушателей»: согласно выводам Н.И. Савушкиной, «считалось, что звон скорее услышат “безгрешные” дети», в связи с чем их приобщали к «слушанью» [9, с. 70]. Ссылку на детский возраст свидетелей «вестей» содержат 5 рассказов.

«Цельные» тексты (сочетающие в себе наиболее частотные элементы), подобные вышеприведенному, в материалах ФА ПсковГУ встречаются нечасто, что соответствует природе устной несказочной прозы в целом: «...обязательной последовательности и цельности рассказа, вне зависимости от обстоятельств исполнения, <...> легенды, так же, как и все другие разновидности фольклорной прозы несказочного характера, не знали» [10, с. 338]. При этом на псковском материале намечаются группы текстов с определенным сцеплением эпизодов. Наиболее полные пересказы сюжета дают основание для выделения следующих устойчивых комплексов: C1 + E2 + G1 + H1 (5), C1 + G1 + H1 (9), A1 + C1 + G1 (4), B2 + C1 + H3 (4), A1 + C2 + H2 (3). Но чаще в устойчивом сцеплении оказывается сочетание двух элементов сюжета (C1 + H3, G1 + H1, C1 + G1 и др.).

²Зап. от Ивановой Татьяны Сергеевны, 1949 г. р., в г. Опочка Иванова О.И. // ФА ПсковГУ за 2007 г. Т. 1. С. 32–33.

Приведем два примера реализации комплекса С1 + НЗ: «...рассказывала моя бабушка, как в нашем, там где мы жили еще <...> по хуторам, там была высокая гора в нас, и на этой горе была церковь. Потом эта церковь, церковь ушла под землю, как вроде бы. И вот все говорили, что отсюда доносилось пение, как бы служба. Ну и даже мы, вот уже тогда были маленькими, все бегали на ту гору и прикладывали уши свои к этой горе, и как быдто, думали, слышим и мы там пение»; «...говорили там у нас старушки, что где-то, мол, церковь провалилась, и вот слышно было – придут на то место, слышно, что там как-то поют»³.

Обычно в памяти рассказчиков сохраняется информация о самом факте чудесного исчезновения и о «вестях», подтверждающих существование сакрального объекта, в то время как обстоятельства происшествия, его причины, нынешнее состояние места провала и отношение к нему местных жителей гораздо реже становятся предметом рассказа.

В отдельных случаях этиологическая составляющая легенды редуцируется до краткой информации, необходимой для развертывания повествования о чудесных свойствах сакрального объекта и «вестях» из него. В отличие от легенд о происхождении «святости» того или иного места, в которых делается акцент на связи объекта с высшим миром, рассказы о «вестях» и чудесных свойствах святости показывают ее практические и духовные связи с человеком [3, с. 45], а потому нередко используют художественный арсенал былички, что закономерно: легенда вызвана к жизни христианским учением, «но в ней продолжает жить та же быличка, осколок мифологических представлений» [11, с. 19].

Мотив «вестей» проявляет процессуальность времени легенды: в отличие от преданий, время действия которых «закрыто» в определенной эпохе, для легенды характерна связь с настоящим.

К легендам о «вестях» и чудесных свойствах объекта в первую очередь относятся рассказы о звонах (Н1) и иных звуках (НЗ, Н6), доносящихся из-под земли (из воды), тем самым подтверждаются факт непрекращающегося существования сакрального объекта. Информанты сообщают, что звоны, звуки церковной службы, голоса и стоны слышны не только «в ясную тихую погоду», но в первую очередь в то время, которое определено в народной культуре в суточном или годовом цикле как пороговое: «в двенадцать часов дня», «в полночь», «в святую ночь», «в какой-нибудь церковный праздник». Помимо этого записаны рассказы о видневшемся некоторое время после провала куполе или кресте храма (Н2). Иногда в них входит «кладовая фантастика»: повествуется, например, о том, что при попытках достать из глубины провала крест он уходил вниз еще больше⁴.

Среди иных свидетельств, сближающих легенду о «провалищах» с быличкой, – рассказы о «видениях»: «на закате солнца» на месте провала являются очертания ушедшей под землю церкви; «ночью на Петров день» там ходят «те люди, которых засыпало песком». В двух рассказах упоминается о явлении тройки с наездником, в одном отмечается таинственное свечение по ночам и т. д.

В отдельных случаях точное определение жанровой природы текстов затруднено в силу равновесного совмещения в них жанровых признаков легенды и былички. Таков, например, записанный в г. Невеле рассказ о церкви, ушедшей под воду озера во время бомбардировки, и оставшемся в ней священнике, который топил ныряющих в поисках храма аквалангистов и «примяет себе их головы»: «Если он найдет подходящую голову, то оживет и станет священником, если попадет голова от плохого человека, то он станет и сам плохим»⁵.

³Зап. от Степановой В.Е., 1936 г. р., в д. Шелешни Митрофановской волости Порховского района Степанова А.М. // ФА ПсковГУ за 2008 г. Т. 1/1146, № 2; Зап. от Бунковой А.Б., 1925 г. р., в д. Яссы Алольской волости Пустошкинского района Смелягина А.Г., Милютин Л.В. // ФА ПсковГУ за 2005 г. Т. 1, № 7.

⁴Зап. от Кузьминой Р.М., 1930 г. р., в д. Бешкино Юшкинской волости Гдовского района Федорова И., Кузнецова Е. // ФА ПсковГУ за 2004 г. Т. 2. Л. 146 об. – 147.

⁵Зап. от Петровой З.Б., 1932 г. р., в г. Невель Гасвиани С.Щ., Киселева Н.А. // ФА ПсковГУ за 2003 г. Т. 3. Л. 19–19 об.

Шесть записей содержат прямые указания на святость места: «это место стало как святым», «вот такие были у нас святые мяста» и т. д. Традиционными для легенд данного сюжетного типа являются и рассказы о случившихся на месте провала исцелениях (G6). Обычно информанты приписывают целебные свойства воде родника, образовавшегося на месте провала («в каво глаза заболят – мылись этой водой, туда носили ленточки, тряпочки вешали, если младенец, то распашоночку, то шапочку повесуют. Бывало, подойдешь к этому месту, и все кусты обвешена»⁶). Рассказы об исцелениях укрепляют в народной среде представления о месте провала как об одном из объектов в ряду «деревенских святынь» (наряду со «святыми» камнями, родниками, пещерами), не подразумеваемых канонической практикой, но почитаемых крестьянами.

Почитание святыни находит отражение в обрядовой практике: рассказчиками упомянуты молебны, освящение воды, оставление жертвенных предметов на месте провала. Духову гору в Опочецком районе, где «вошла в землю» церковь, богомольцы трижды обходят в Духов день: «...покрестятся хорошо, поговорят хорошо про все, про крещеное про все. Покрестятся, придут домой. Говорят, сильно хорошо помогает, после Духова дня сильно здоровью помогает»⁷. В одном из текстов статус «святости» объекта подкрепляется воспоминанием о найденной на месте провала иконе⁸.

В то же время отмеченные провалом места не определяются однозначно как сакрально чистые. Если в одних случаях в таких местах происходят исцеления, то в других контакты со сферой «чужого» оборачиваются для человека гибелью. Целый ряд псковских текстов содержит упоминание о настороженном отношении

местных жителей к «провалищу»: «даже неприятно ей стало»; «иду и боюсь туда идти»; «потом все боялись этого места»; «мы все боялись туда подходить как-то, может быть, от страха, может быть, как-то там холодно становится». Двойственность статуса места провала, «чистота» которого не является безусловной, делает его пригодным для захоронения злых покойников; сведения о таких захоронениях содержатся в 4 записях.

В отличие от былички, излагающей историю из современности, легенда о «провалище» относит время центрального события в абстрактное прошлое («давно»), хотя бы и недалекое, либо привязывает к именам и фактам, маркирующим давность события: «может быть, при Иване Грозном еще»; «чуть ли не во времена нашествия Мамая»; «когда была литовская война». В 13 псковских легендах время чудесного исчезновения храма приурочено к моменту службы в день церковного праздника, собравшего множество людей: в тот же день, спустя много лет, церковь дает знать о себе посредством «вестей».

Понимая, что невероятность события, описанного легендой, может поставить под угрозу достоверность рассказа, информанты стараются убедить слушателей в его истинности, подчеркивая, что это «как бы и не легенда, а была была», ссылаясь на авторитет стариков, т. е. используя арсенал собственно фольклорных способов доказательства, характерных для устной сказочной прозы в целом.

Впечатление достоверности повествуемого усиливает принятая в местных легендах меморативная поэтика. Рассказчик либо говорит о том, что сам слышал «звоны», пение, видел свет, либо использует форму квазимемората, при которой свидетелями если не самого чудесного

---

⁶Зап. от Кузьминой Н.И., 1934 г. р., в д. Иваново Ивановской волости Невельского района Савченко В.М., Площук Г.И. // ФА ПсковГУ за 2008 г. Т. 1, № 16; Зап. от Семечкиной Н.А., 1925 г. р., в д. Лаптево Любимовской волости Опочецкого района Сливина А.А., Иванова Н.А. // ФА ПсковГУ за 2004 г. Т. 1. Л. 76 об. – 77.

⁷Зап. от Мурашовой А.П., 1924 г. р., в д. Морозово Варыгинской волости Опочецкого района Пуховикова В.Е., Константинова Н.В. // ФА ПсковГУ за 1998 г. Т. 11. Л. 9–9 об.

⁸Зап. от Матвеевой А.А. в д. Бардово Кудеверской вол. Бежаницкого района Душелихинская А.А. // ФА ПсковГУ за 2007 г. Т. 1/39, № 10.

события, то «вестей» оказываются известные всем односельчане.

Записи ФА ПсковГУ представляют собой позднейший срез фольклорной традиции. Часто рассказчики не только предвидят недоверие со стороны слушателей, но и сами выражают сомнение в достоверности полученной ими изустно информации: «правда или нет, не знаю»; «может, это неправда». Некоторые из них особенно категоричны: «не верю я этому, что под землей звон»; «а это все выдумка». «Живой легенде» такие сомнения противопоставлены.

Версии причин провала, озвученные информантами, разнообразны. Иногда встречаются традиционные для данного сюжетного типа мотивы греха, наказания за святотатство и сокрытия перед лицом врага: «...недалеко от нашей деревни есть Барашинское озеро. И бабушка рассказывала, что вот храм ушел под воду. Было войско литовское, когда была литовская война, полная церковь набралась войска, и этот храм вот, якобы, провалился под воду. <...> Барин делал раскопки и там находил большие кости ненаших людей. <...> в хорошую погоду смотрели даже, находили, виден был крест»⁹.

Но в большинстве текстов о причинах провала умалчивается либо рассказчики сообщают, что причина им неизвестна. Иногда информанты пытаются дать реалистическое объяснение чуду, называя в качестве причин исчезновения сакрального объекта землетрясения, карстовые провалы и иные природные катаклизмы, однако такая поздняя мотивировка не вытесняет первоначальную (иначе текст утратил бы свою легендарную природу), и реалистическое обоснование причудливо соединяется с указанием на проявления чудесного:

«У нас Троицкое озеро есть. И есть легенда, как оно образовалось. Считалось, что раньше стояла церквушка, и возле нее били ключи.

Потом стала образовываться наша деревня. Люди стали замечать, что ключи все больше, больше. Потом образовалось небольшое озеро, и с каждым годом становилось все больше, больше. И озеро стало подмывать дно этой церкви, и церковь ушла под воду. И считается, что у этого озера два дна. И если вот нырнуть поглубже (я сама, конечно, не ныряла, но, как говорят), если нырнуть поглубже, то можно услышать звон колоколов. Тут даже приезжали эксперты, хотели измерить глубину нашего озера. Но знаете, все так трагично заканчивается, сколько было аквалангистов, никто, к сожалению, не вернулся»¹⁰.

От другого информанта именно об этом озере записан рассказ о погибшем в годы войны священнике, поджидающем ныряльщиков. Помимо прочего легенда разрабатывает топонимический мотив: Троицким названо озеро, образовавшееся на месте церкви Святой Троицы.

Топонимический мотив нередко входит в структуру псковских легенд о «провалищах». Погружение под землю (под воду) культового сооружения (селения) дало названия местам Городок, Бездонное, Петрово, Костелище, горе Гремяк, Поклонной горке, озеру Троицкому, острову Святому. Репрезентируя окружающее человека пространство, топонимы не только сохраняют память о чудесном событии, но и, возможно, дают толчок народной фантазии, рождающей легендарные сюжеты и предлагающей «народную этимологию» географических названий.

Редкий ученый обошел вниманием вопрос о предпосылках формирования данных сюжетов. Наряду с такими факторами, как разрушения языческих капищ, гонения на религиозные меньшинства, попытки народа объяснить особенности местности и случайные находки, были названы реальные природные и социальные катаклизмы, приведшие к изменениям ландшафта и обусловившие закрепление

---

⁹Зап. от Кирилловой Г.И., 1929 г. р., в д. Заозерье Заянской волости Плюского района Киселева А.А. // ФА ПсковГУ за 2004 г. Т. 1/1078, № 1.

¹⁰Зап. от Волковой Н.Г., 1936 г. р., в д. Черемушки Невельского района Савченко В.М. // ПсковГУ за 2008 г. Т. 1/643, № 44.

сюжета за определенной местностью. Предпринятые в связи с этим исследования показали, что сюжет «провалища» чаще всего «связывается с археологическими памятниками <...> иногда – с местами реально существовавших в эпоху средневековья церквей» [12, с. 263–272].

Наши разыскания подтверждают справедливость этого утверждения в отношении примерно половины случаев, когда содержание легенды позволяет определить место расположения «провалища» с достаточной точностью. Нам удалось установить 16 мест, на которые народная молва указывает как на места провалов и в которых находятся археологические

памятники: городища, курганно-жальничные могильники, сопки и исчезнувшие неукрепленные поселения (селища) конца I тыс. н. э. – XVIII века.

Заброшенные селения идентифицируются в народной культуре как маргинальные точки освоенного человеком пространства, как потенциальные каналы взаимодействия сакрального и профанного миров. Приурочение «провалищ» к этим объектам усиливает их коммуникативный статус, одновременно «представляя окружающую эмпирическую реальность как репрезентацию “иног”, священного и неведомого мира» [12].

Список литературы

1. Пропп В.Я. Поэтика фольклора: собрание трудов. М., 1998. 352 с.
2. Азбелев С.Н. Русская народная проза // Народная проза / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М., 1992. С. 5–19.
3. Шеваренкова Ю.М. Русская устная народная легенда в ее жанровых разновидностях: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002. 190 с.
4. Комарович В.Л. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. М.; Л., 1936. 184 с.
5. Панченко А.А., Штырков С.А. Предания (составление, подготовка текстов, предисловие, комментарии) // Традиционный фольклор Новгородской области. Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры. По записям 1963–1999 г. СПб., 2001. С. 203–221.
6. Соколова В.К. Русские исторические предания. М., 1970. 288 с.
7. Шеваренкова Ю.М. Легенды-былички как жанровая разновидность фольклорной легенды // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Филология. 2003. № 1. С. 52–57.
8. Липатова А.П. Местные легенды: механизмы текстообразования: дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2008. 280 с.
9. Савушкина Н.И. Легенда о граде Китеже в старых и новых записях // Русский фольклор: материалы и исслед. Т. 13. Русская народная проза. М., 1972. С. 58–76.
10. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVIII–XIX вв. М., 1967. 341 с.
11. Криничная Н.А. Когда гранит и летопись безмолвны... // Легенды. Предания. Бывальщины / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н.А. Криничной. М., 1989. С. 5–28.
12. Панченко А.А. «Провалившаяся церковь». Археология и фольклор // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. по археологии Великого Новгорода. Новгород, 1995. Вып. 9. С. 263–272.

References

1. Propp V.Ya. *Poetika fol'klora: sobranie trudov* [The Poetics of Folklore: Collected Works]. Moscow, 1998. 352 p.
2. Azbelev S.N. *Russkaya narodnaya proza* [Russian Folk Prose]. *Narodnaya proza* [Folk Prose]. Moscow, 1992, pp. 5–19.
3. Shevarenkova Yu.M. *Russkaya ustnaya narodnaya legenda v ee zhanrovyykh raznovidnostyakh*: dis. ... kand. filol. nauk [Russian Oral Folk Legend in Its Genre Varieties: Cand. Philol. Sci. Diss.]. Izhevsk, 2002. 190 p.

4. Komarov V.L. *Kitezhsкая legenda. Opyt izucheniya mestnykh legend* [The Kitezh Legend. The Experience of Studying Local Legends]. Moscow, Leningrad, 1936. 184 p.

5. Panchenko A.A., Shtyrkov S.A. *Predaniya (sostavlenie, podgotovka tekstov, predislovie, kommentarii)* [Traditions (Compilation, Preparation of Texts, Foreword, Comments)]. *Traditsionnyy fol'klor Novgorodskoy oblasti. Skazki. Legendy. Predaniya. Bylichki. Zagovory. Po zapisyam 1963–1999 g.* [Traditional Folklore of the Novgorod Region. Fairy Tales. Legends. Traditions. Stories About Meeting Evil Spirits. Spells. According to 1963–1999 Records]. St. Petersburg, 2001, pp. 203–221.

6. Sokolova V.K. *Russkie istoricheskie predaniya* [Russian Historical Legends]. Moscow, 1970. 288 p.

7. Shevarenkova Yu.M. *Legendy-bylichki kak zhanrovaya raznovidnost' fol'klornoy legendy* [Stories About Meeting Evil Spirits as a Type of Folk Legend]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser.: Filologiya*, 2003, no. 1, pp. 52–57.

8. Lipatova A.P. *Mestnye legendy: mekhanizmy tekstoobrazovaniya: dis. ... kand filol. nauk* [Local Legends: Mechanisms of Text Formation: Cand. Philol. Sci. Diss.]. Ulyanovsk, 2008. 280 p.

9. Savushkina N.I. *Legenda o grade Kitezhe v starykh i novykh zapisyakh* [The Legend of the Town of Kitezh in Old and New Records]. *Russkiy fol'klor: materialy i issled. T. 13. Russkaya narodnaya proza* [Russian Folklore: Materials and Research. Vol. 13. Russian Folk Prose]. Moscow, 1972, pp. 58–76.

10. Chistov K.V. *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVIII–XIX vv.* [Russian Folk Socio-Utopian Legends of the 18th and 19th Centuries]. Moscow, 1967. 341 p.

11. Krinichnaya N.A. *Kogda granit i letopis' bezmolvny...* [When Granite Moulders and When Records Fail...]. *Legendy. Predaniya. Byval'shchiny* [Legends. Traditions. True Stories]. Moscow, 1989, pp. 5–28.

12. Panchenko A.A. "Provalivshayasya tserkov". *Arkheologiya i fol'klor* ["The Church Swallowed Up by the Earth". Archaeology and Folklore]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: materialy nauch. konf. po arkheologii Velikogo Novgoroda* [Novgorod and the Novgorod Land. History and Archaeology: Proc. Sci. Conf. on the Archaeology of Veliky Novgorod]. Novgorod, 1995. Iss. 9, pp. 263–272.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.137

Lyubov' A. Yurchuk

Pskov State University;
pl. Lenina 2, Pskov, 180000, Russian Federation;
e-mail: lak131@rambler.ru

Ilya V. Kazakov

Pskov State University;
pl. Lenina 2, Pskov, 180000, Russian Federation;
e-mail: lak131@rambler.ru

PSKOV FOLK LEGENDS ABOUT SETTLEMENTS AND RELIGIOUS BUILDINGS GONE UNDERGROUND OR UNDERWATER

This article analysed the general composition of folk legends about churches and settlements gone underground or underwater recorded between 1982 and 2015 during the folklore expeditions of the Faculty of Philology, Pskov State University, and kept in the university folklore archives.

For citation: Yurchuk L.A., Kazakov I.V. Pskov Folk Legends About Settlements and Religious Buildings Gone Underground or Underwater. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo univrsiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 2, pp. 137–145. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.137

We found that such stories are widespread in the Pskov Region. In half of the cases, the stories referring to archaeological sites formally and substantively relate to the genre of legend. Ranging among other stories about rural sacred objects and places, they at the same time include the knowledge about the structure and functioning of the local spiritual space and create its specific mythological model. Pskov stories about religious buildings and settlements gone underground or underwater are formed by a system of motifs traditional for this plot type. However, although detailed narratives including the whole set of motifs specific to this plot type are rarely encountered in the region, we can clearly distinguish certain groups of texts with permanent plot elements, the motif of miraculous disappearance of a sacred object being the central one and defining the relationship between other plot elements. In addition to the motif of miraculous disappearance, the motif of news is also thoroughly developed. It shows the relationship between the time and the process of action in a legend and the motif's continuous link to the present, expressed in the ritual practice of the local inhabitants. Narrating about the meeting of humans with the phenomena of the sacred world, the legends of disappearing places become closer to true stories and share certain narrative features with them.

Keywords: *Pskov Region, oral non-fairy tale prose, folk legend, religious buildings and settlements gone underground or underwater, rural sacred place, motif of miraculous disappearance of a sacred object, motif of news.*

Поступила: 15.08.2016
Received: 15 August 2016